
Кинсбургский А. В., Топалов М. Н.

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЁННОСТЬ И МАССОВЫЕ АКЦИИ ПРОТЕСТА (К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ДЕЙСТВИЯ)

Кинсбургский Александр Владимирович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН. Россия, Москва, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

E-mail: alex_kins@mail.ru

Тел.: +7 (910) 412 88 09

Топалов Михаил Николаевич – старший научный сотрудник, Институт социологии РАН.

Россия, Москва, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

E-mail: topalovmn@mail.ru

Тел.: +7 (962) 963 50 22

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к определению понятия социальной напряжённости, предлагается его уточнение, вводятся понятия «нормальной» и «пониженной» социальной напряжённости. Анализируются структура и функции социальной напряжённости в современной России, динамика эмпирических показателей социального недовольства и протестного потенциала за последние 10–15 лет по данным ведущих центров изучения общественного мнения – Левада-Центра, ФОМ и ВЦИОМ. Подчёркивается роль общественного возмущения и негодования как «спускового крючка», непосредственного толчка в процессе перехода от повышенной социальной напряжённости к массовым акциям протеста. Обосновывается разделение на цивилизованные (организованные, мирные, легальные) и нецивилизованные (беспорядки, волнения, бунты, погромы и т. д.) массовые акции. Предпринята попытка применения регионального подхода при анализе социальной напряжённости и массовой протестной активности на примере Москвы, Ставропольского края и Республики Дагестан. Предлагаются прогнозные варианты дальнейшего развития социальной напряжённости и массовой протестной активности в кризисный период. Делается вывод о том, что возможный рост социального недовольства в обозримом будущем скорее всего не приведёт автоматически к повсеместному началу массовых протестных акций в силу действия определённых компенсаторных механизмов.

Ключевые слова: социальная напряжённость, социальное недовольство, протестный потенциал, общественное возмущение, массовые акции протеста.

В отечественной и зарубежной социологии при изучении социальной напряжённости используются в основном два подхода: структурно-функциональный и субъектно-деятельностный. В теоретическом анализе применяется, как правило, структурно-функциональный, в рамках которого социальная напряжённость рассматривается в качестве одной из важнейших характеристик устойчивости

функционирования и развития социальной системы. В рамках данного подхода социальная напряжённость играет роль необходимого компонента обратной связи в процессе социального управления. В прикладной социологии чаще используется субъектно-деятельностный подход, согласно которому социальная напряжённость выступает характеристикой определённого состояния социального субъекта, раскрывающей степень его недовольства, неудовлетворённости теми или иными сторонами общественной жизни, а также склонность, готовность к публичному выражению, проявлению своего недовольства на вербальном и поведенческом уровне [Рукавишников, 1990; Плюснин, 1999; Пирогов, 2002; Баранова, Фролов, 2012 и др.].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что социальная напряжённость базируется на социальном недовольстве (неудовлетворённость, несогласие, недоверие, другие негативные эмоции), но не сводится к нему полностью, поскольку всегда есть больший или меньший зазор между человеческими потребностями и возможностями их удовлетворения. Социальное недовольство играет важную роль в регуляции человеческого поведения, в том числе на уровне больших социальных групп, стимулируя активность социальных субъектов, направленную на удовлетворение их потребностей. Вполне возможно представить себе такого социального субъекта, для которого характерно состояние социального недовольства, но который не испытывает социального напряжения. Таким образом, понятие социальной напряжённости фиксирует, на наш взгляд, не всякое, не любое социальное недовольство, а такое, *при котором у социального субъекта формируется установка, ориентация на открытое, публичное выражение своего недовольства через массовые действия протестного характера, иначе говоря, потенциал протеста.*

В свете этого социально-психологический механизм трансформации социальной напряжённости в массовые акции протеста может быть представлен следующим образом:

Социальное Недовольство + Потенциал Протеста = Массовые Действия Протеста

Очевидно, что протестный потенциал обычно возникает при достаточно высоком уровне социального недовольства. Следовательно, при изучении социальной напряжённости важно измерять её количественную характеристику, для чего используется, например, порядковая, или упорядоченная, шкала: 1) фоновый уровень социальной напряжённости, 2) повышенная социальная напряжённость, 3) высокая социальная напряжённость и 4) критическая социальная напряжённость [Баранова, 2009]. Если «фоновая» социальная напряжённость обычно не является значимым социальным фактором, то на критической стадии она, как принято считать, выходит из-под контроля и начинает выполнять деструктивные функции, в том числе формировать повышенную склонность и готовность к участию в массовых действиях протестного характера. Если экстренно принятые управленческие меры не способствуют снижению социальной напряжённости, она может войти в резонанс с начавшейся массовой протестной активностью и в результате привести к так называемому «социальному взрыву».

Предполагается, что чем выше уровень социальной напряжённости, тем вероятнее — при прочих равных условиях — массовые действия протеста: митинги, пикеты, демонстрации, забастовки, блокировки, голодовки, волнения, беспорядки, столкновения, в том числе вооружённые, и т. д. Исходной, отправной точкой при измерении социальной напряжённости с помощью данной шкалы служит её начальное значение, а именно — «фоновый» уровень, который по смыслу соответствует обычному, не привлекающему внимания, не вызывающему озабоченности социальному недовольству и уровню протестного потенциала. «Фоновый» уровень социальной напряжённости характерен для стабильно функционирующих и нормально развивающихся социальных систем в отличие, скажем, от систем, переживающих трансформацию или, тем более, кризис.

На первый взгляд понятие «фоновой» социальной напряжённости выглядит само собой разумеющимся, не требующим особого пояснения. Однако «привычный» уровень напряжённости неодинаков в разных социальных системах и у разных социальных субъектов. Он складывается и меняется под воздействием множества факторов, хотя после адаптации к нему со стороны социальной системы или социального субъекта становится обычным, привычным, т. е. «фоновым». Такой уровень социальной напряжённости не обязательно является оптимальным, функциональным. Можно предположить, что в некоторых ситуациях фоновым, т. е. привычным, становится относительно повышенный или, наоборот, пониженный уровень, который нельзя считать наилучшим с точки зрения функционирования и развития данной социальной системы или социального субъекта.

Из этого вытекает, что при оценке социальной напряжённости наряду с определением «фоновый» целесообразно ввести определение «нормальный» или «оптимальный» уровень социальной напряжённости, означающий, что социальная напряжённость данной интенсивности органично вписывается в ткань общественной жизни, соответствует наилучшему режиму функционирования и развития социальной системы, характеризует активное и в то же время стабильное состояние социального субъекта. Использование понятия «нормы» позволяет иначе взглянуть на шкалу измерения социальной напряжённости, а именно — допустить возможность существования таких её позиций, которые располагаются не только выше, но и ниже «нормального» значения шкалы. Другими словами, применительно к социальной напряжённости понятие нормы позволяет говорить не только о повышенной, но и о пониженной (низкой) напряжённости, которая также может быть тормозом, препятствием на пути общественного развития, снижать активность социальных субъектов.

Таким образом, в практическом плане проблемой является не только чрезмерно высокая социальная напряжённость, грозящая дестабилизацией и распадом социальной системы, но и слишком низкая, характерная для периодов общественного застоя и упадка, когда господствуют настроения массовой апатии, безволия, расслабленности, благодушия и др. Естественно, возникает вопрос, что практически может означать необходимость повышения уровня социальной напряжённости, приведения её в норму. Если вести речь только о проявлениях социального недовольства, то попытки искусственно стимулировать его рост, очевидно, лишены смысла. Однако если под социальной напряжённостью понимать «потенциал протеста», т. е. способность и готовность к участию в различных массовых действиях, включая не только митинги и демонстрации, но и протестное голосование на выборах, письма и другие обращения в органы власти и средства массовой информации и т. п., то сознательное и целенаправленное формирование такой установки на цивилизованное, результативное выражение накопившегося социального недовольства имеет большое общественное значение, в том числе с точки зрения повышения эффективности социального управления.

Одним из подходов к измерению социальной напряжённости является определение соотношения уровней социального недовольства и протестного потенциала как двух составляющих социальной напряжённости. Сочетание сильного недовольства с высоким потенциалом протеста в принципе говорит о высокой социальной напряжённости, т. е. о реальной возможности начала массовых протестных действий в ближайшее время. Напротив, сочетание сильного недовольства с невысоким потенциалом протеста скорее свидетельствует о низкой социальной напряжённости, которая ищет выход не в протесте, а в других формах активности, скажем, в интенсивной трудовой деятельности, повышенной миграции, различных видах отклоняющегося поведения. Важной исследовательской и практической проблемой в данном случае представляется определение наиболее вероятных форм проявления повышенного социального недовольства с целью блокировки его выхода в виде антисоциальных и асоциальных действий. Невысокий уровень социального недовольства, очевидно, также означает низкую социальную напряжённость, которая, как уже было сказано, не всегда является наиболее оптимальной с точки зрения функционирования и развития данной социальной системы.

Значительный интерес представляет так называемая «латентная», т. е. скрытая от непосредственного наблюдения стадия развития социальной напряжённости, которая доступна для изучения только специальными научными методами. Она характерна для относительно спокойной в данный момент, но потенциально взрывоопасной ситуации. Однако практический смысл имеет исследование не столько нормальной (и, шире, — фоновой), сколько — аномальной и, прежде всего, повышенной социальной напряжённости, которая возникает именно в нестабильных социальных системах, в конфликтных и кризисных ситуациях. Следовательно, наиболее важная и сложная исследовательская задача состоит в том, чтобы зафиксировать и диагностировать социальную напряжённость в кратковременный период перехода от стабильного, спокойного состояния социального субъекта к фазе его

повышенной протестной активности. Однако решение подобной задачи представляется весьма затруднительным, поскольку проведение научных исследований требует значительного времени и сил и не всегда может уложиться во временные границы такого перехода.

При изучении социальной напряжённости главная проблема, на наш взгляд, состоит в определении социально-психологического механизма её взаимосвязи с массовыми действиями протеста. Наиболее распространённым является подход, при котором социальная напряжённость рассматривается в качестве непосредственного фактора (причины) массовых действий. Данный подход предполагает, что на основе показателей социальной напряжённости, а именно – социального недовольства, склонности и готовности к протесту, можно прогнозировать начало массовых действий. Однако связь между социальной напряжённостью и началом массовых протестных действий опосредована ещё одной переменной, которую можно было бы назвать «общественным возмущением». Она выполняет роль непосредственного эмоционального толчка, «спускового крючка» в социально-психологическом механизме действия социальной напряжённости, её трансформации в массовую протестную активность.

Это можно проиллюстрировать на примере начала массовых протестных действий в Москве в декабре 2011 г. Многотысячную демонстрацию в основном представителей столичного среднего класса (в марксистской терминологии: мелкая буржуазия и буржуазная интеллигенция) вывело тогда на Болотную площадь, прежде всего, возмущение фактами фальсификации результатов только что прошедших выборов в Государственную Думу. Несколькими месяцами ранее, в сентябре 2011 г., скрытое негодование вызвало заявление Д. Медведева о том, что он не будет выдвигать свою кандидатуру на предстоящих в 2012 г. выборах Президента России и поддержит кандидатуру В. Путина. Напомним, что городской средний класс связывал с возможным вторым президентством Д. Медведева определённые надежды на модернизацию и либерализацию общественной жизни. Для проявления накопившегося в столичном среднем классе социального недовольства и протестного потенциала потребовался непосредственный эмоциональный толчок. Многочисленные факты фальсификации итогов выборов в Государственную Думу, установленные независимыми наблюдателями, вызвали общественное возмущение, которое запустило механизм трансформации социальной напряжённости в массовые акции протеста.

Ещё один относительно недавний пример – траурный марш в центре Москвы в связи с убийством известного оппозиционного политика Б. Немцова. По данным независимых наблюдателей, на марш вышли около 50 тыс. человек. Он состоялся вместо запланированного на 1 марта 2015 г. антикризисного марша «Весна». Важно отметить, что многие

участники траурного марша, судя по опросам журналистов, не планировали участвовать в марше «Весна», но вышли на траурную демонстрацию с чувством возмущения и негодования.

В связи с этим формулу социально-психологической трансформации социальной напряжённости в массовые акции протеста следует уточнить:

**Социальное Недовольство + Потенциал Протеста + Общественное Возмущение =
= Массовые Действия Протеста**

Показатели социального недовольства и протестного потенциала хорошо изучены и достаточно представлены в отечественных социологических публикациях. В целом их основными эмпирическими показателями служат: *недовольство* (уровнем и условиями жизни, качеством управления, обслуживания и т. д.), *недоверие* (политическим институтам, органам власти, государственным организациям), *несогласие* (с общим курсом развития, внешней, внутренней и экономической политикой), другие негативные эмоции – разобщённость, незащищённость, несправедливость, беспокойство, раздражение, ксенофобия, ненависть и пр. Регулярный сбор и анализ этих показателей позволяет в динамике рассматривать социальную напряжённость как в целом по стране, так и в разрезе отдельных регионов, типов поселений и социальных групп. Систематически публикуются социологические данные о субъективной склонности, готовности людей к участию в массовых акциях протеста, а также другие показатели социальной напряжённости, связанные с массовой протестной активностью.

Довольно распространённым является мнение, что на основе динамики показателей социальной напряжённости можно прогнозировать уровень массового протеста. Однако отечественный и зарубежный опыт свидетельствуют скорее об обратном: о принципиальной непредсказуемости взлётов и падений массовой протестной активности. Подлинно массовые акции протеста (в отличие от корпоративных, организуемых по призыву профсоюзов, политических партий, других корпоративных структур) обычно оказываются неожиданностью не только для представителей власти и внешних наблюдателей, но даже для самих участников массовых действий. Социологические замеры субъективных показателей социальной напряжённости, о которых шла речь выше, в данном случае далеко не всегда способствуют точному предсказанию взлёта или падения протестной активности. По-видимому, дело здесь в самой природе массового протеста. Если бы массовые протестные акции поддавались надёжному прогнозированию (где, когда, сколько людей примут участие в массовых действиях), то у органов власти и управления была бы возможность в принципе предотвратить или хотя бы купировать массовую протестную активность и тем самым опровергнуть сделанные прогнозы.

Более того, субъективные показатели социальной напряжённости зачастую сами зависят от объективных параметров протестной активности, которые измеряются не столько социологическими, сколько иными методами (данные государственной и ведомственной статистики относительно забастовочной, митинговой, электоральной и прочей активности). Другими словами, склонность и готовность к участию в протестных акциях в спокойный период и в условиях уже начавшихся

массовых действий существенно различаются. Можно предположить, что высокий уровень массовой протестной активности сам по себе является сильным дополнительным фактором роста социального недовольства и протестного потенциала.

Рассмотрим динамику основных показателей социальной напряжённости за последние годы, опубликованную ведущей тройкой отечественных служб изучения общественного мнения: Левада-Центр (ЛЦ), Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) и Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Их данные основаны на результатах репрезентативных всероссийских опросов взрослого населения страны и в принципе сравнимы между собой.

Представление об изменении уровня социального недовольства дают, например, ответы на вопрос: «Какое из следующих высказываний более всего соответствует Вашей жизненной ситуации?», представленные ЛЦ в «Вестнике общественного мнения» № 1–2 (117) за январь–июнь 2014 г. [Мониторинг перемен..., 2014: 5–6]. На графике показано отношение суммы положительных ответов «жить можно» и «можно терпеть» к величине отрицательного ответа «терпеть наше бедственное положение уже невозможно». Наиболее высокие значения уровня социального недовольства приходится на вторую половину 1990-х годов, когда сумма положительных ответов лишь немногим (не более чем на 10%) превышала величину отрицательных ответов. В первой половине 2000-х годов этот разрыв в пользу положительных ответов составлял уже 20–40%, а со второй половины – 40–80%. Наиболее низкие значения уровня социального недовольства зафиксированы перед кризисом 2008–2009 гг. и в начале 2014 г. Несмотря на заметные колебания, общая тенденция к росту суммы позитивных ответов («жить можно» и «можно терпеть») и, соответственно, уменьшению доли негативной позиции («терпеть наше бедственное положение уже невозможно») проявляется вполне определённо. В последнее время, начиная с 2010 г., уровень социального недовольства был сравнительно невысок (если не считать сезонных колебаний) и свидетельствовал в первую очередь о сужении социальной базы поддержки массовой протестной активности.

Более детальную картину динамики социального недовольства за последние три года дают данные ФОМ [Недовольство..., 2015]. В их основе – данные ответа на вопрос: «Действия российских властей за последний месяц у Вас лично вызывали недовольство, возмущение или не вызывали?». Если в 2013 г. и в самом начале 2014 г. доля положительных ответов («да, вызывали») и доля отрицательных ответов («нет, не вызывали») были примерно равны, то с марта 2014 г. по апрель 2015 г. величина отрицательных ответов в 1,5–2 раза превышала значение положительных. Это означает, что уровень массового недовольства действиями российских властей в целом заметно снизился. Можно считать, что это

произошло, прежде всего, за счёт внешнеполитических акций — присоединения Крыма и политики в отношении Украины. Однако следует признать, что в последнее время, судя по опубликованным данным, доля недовольных действиями российских властей существенно уступает доле тех, кто такого недовольства не испытывает.

Схожую тенденцию показывает динамика индексов социальных настроений, составленная ВЦИОМ и опубликованная в сборнике «Индексы социального самочувствия» [Индексы..., 2015] (см. рис. 1). Эти индексы рассчитаны как разница суммы положительных и средних оценок и суммы отрицательных оценок. За последние 10 лет значения индексов социальных настроений выросли в целом в полтора-два раза. Например, индекс оценки материального положения семьи (ответы на вопрос «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?») увеличился с 32 пунктов во втором квартале 2005 г. до 65 пунктов в третьем квартале 2015 г., а индекс удовлетворённости жизнью в целом (ответы на вопрос «В какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведёте?») за этот же период вырос с 25 до 61 пункта.

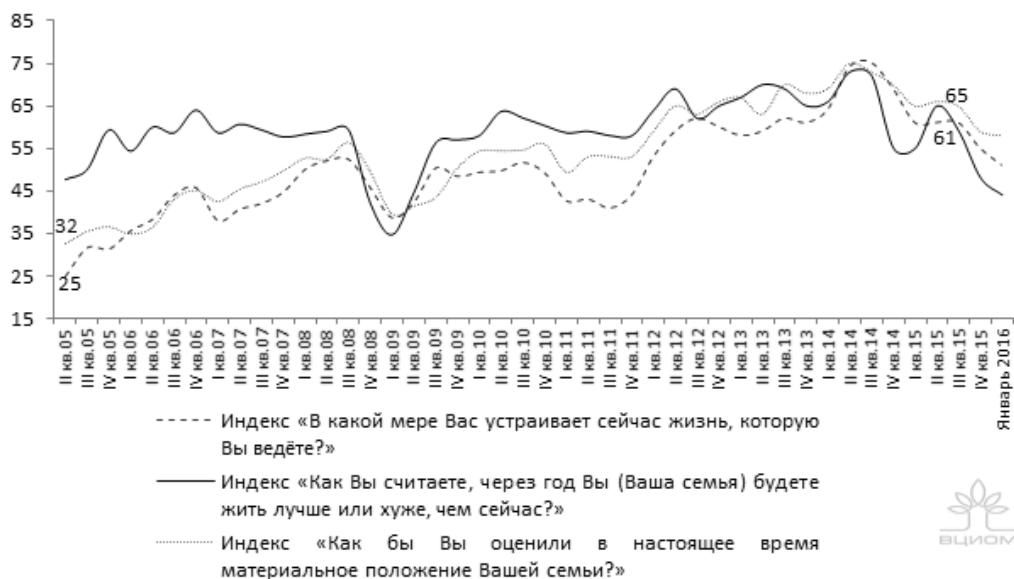

Рис. 1. Динамика индексов социальных настроений, % (ВЦИОМ)

Анализ социально-экономических и социально-политических причин подобной динамики показателей социального недовольства не входит в задачи данной статьи. Нам важно констатировать сам факт их снижения или, по крайней мере, стагнации в последние годы, что, безусловно, не могло не отразиться на общем уровне социальной напряжённости.

Теперь рассмотрим динамику основных эмпирических показателей протестного потенциала за тот же период. Данные Левада-Центра [Мониторинг перемен..., 2014: 5–6] раскрывают изменения показателя готовности, намерение

респондентов принять личное участие в уже начавшихся по их месту жительства массовых акциях протеста как экономического, так и политического характера. За последние 20 лет доля потенциальных протестующих по экономическим соображениям редко превышала 30% от общего числа опрошенных (это наблюдалось только в 1997–1998 гг.). В «нулевые» годы она колебалась в диапазоне 20–25%, а к августу 2014 г. вообще снизилась до 10%. Кривая доли потенциальных протестующих по политическим соображениям в основном повторяла эту динамику.

Важно отметить, что потенциал протеста по политическим основаниям в 2011–2012 гг. составлял всего 15–17% от общего числа участников всероссийских опросов. Другими словами, известные акции протеста «За честные выборы» проходили на довольно тусклом фоне массовых протестных настроений в российском обществе в целом.

Аналогичные показатели протестного потенциала, опубликованные ФОМ [Протестный..., 2015], в целом соответствуют данным Левада-Центра. Если в 2010–2011 гг. доля готовых в ближайшие месяц-два лично принять участие в акциях протеста по месту жительства составляла в среднем 20%, то в дальнейшем она снизилась и оставалась относительно стабильной в интервале от 12 до 17% от общего числа опрошенных.

Похожая динамика индекса ВЦИОМ «личный протестный потенциал», основанного на ответах на вопрос: «Если в нашем городе / сельском районе состоятся массовые акции протеста, выступления против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав, Вы лично примете в них участие или нет?», представлена на рис. 2 [Протестный..., 2015].

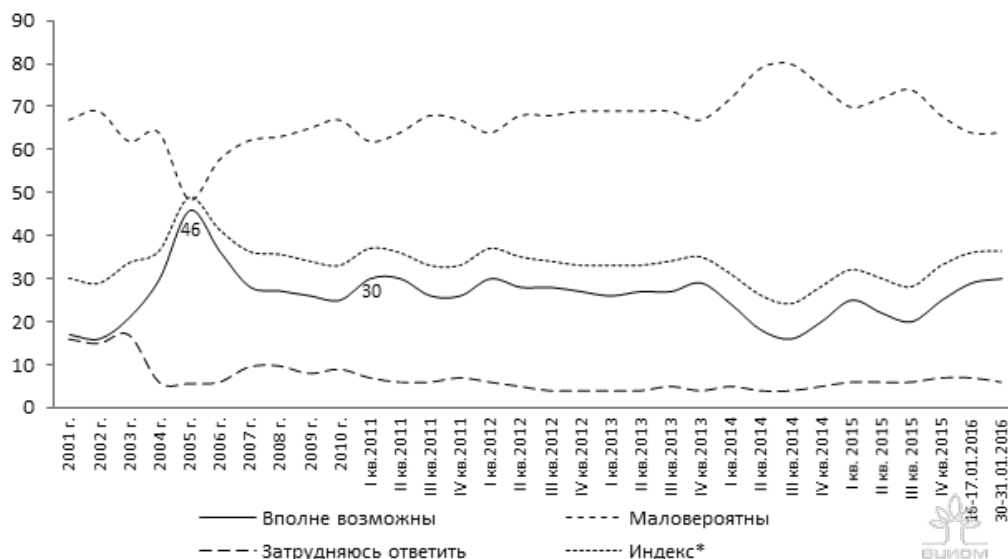

Рис. 2. Индекс общественного протестного потенциала, % (ВЦИОМ)

По данным ВЦИОМ, в динамике личного потенциала протеста можно заметить два пика — в 2005 и 2011 гг., когда доля готовых принять личное участие в массовых акциях протеста по месту жительства составляла 46 и 30% соответственно. Напомним, что эти пики соответствуют всплескам протестной активности в связи с акциями против «монетизации льгот» (2005 г.) и массовыми действиями «За честные выборы» (2011–2012 гг.). В остальное время данный показатель двигался «пилообразно», т. е. в принципе был стабилен и колебался в диапазоне от 15 до 25% от общего числа опрошенных. Таким образом, ВЦИОМ, видимо, удалось зафиксировать рост протестного потенциала в то время, когда проходили резонансные массовые акции протеста на Болотной площади в Москве и других крупных городах.

В связи с этим возникает вопрос: как могли в принципе состояться массовые протестные акции в конце 2011 — начале 2012 г. на фоне снижающихся в целом показателей социального недовольства, с одной стороны, и относительно стабильного уровня протестного потенциала — с другой? Ответ заключается, видимо, в том, что, несмотря на относительную массовость указанных акций, они затронули довольно узкий слой городского среднего класса, который незадолго до этого возник и набрал «вес» в столицах и других крупных городах. Для этого слоя были свойственны, во-первых, недовольство набирающим в последнее время силу консервативным трендом в российской политике и экономике и, во-вторых, готовность к участию в мирных, согласованных с органами власти акциях протеста. Данную особенность точно подметил Л. Бызов: «Своего рода спусковым крючком для качественного скачка в масштабах и интенсивности давно зревших протестных настроений стала пресловутая рокировка правящего тандема, за которой угадывалась перспектива многолетнего погружения в застой, дальнейшей монополизации экономики и политики в предельно узком кругу и утраты даже тех социальных ниш, которые стали для этих групп российских элит [нового среднего класса] приоткрываться в период президентства Д. А. Медведева» [Бызов, 2012]. Дополнительным поводом для общественного возмущения послужили, на наш взгляд, выявленные масштабные фальсификации результатов выборов в Государственную Думу в декабре 2011 г. Характерно, что политические выступления городского среднего класса в связи с проведением избирательных кампаний по выборам депутатов Государственной Думы и Президента РФ (в декабре 2011 и в марте 2012 г.) не получили поддержки со стороны более широких слоёв населения, озабоченных решением своих, прежде всего социально-экономических, проблем.

Экспертные опросы, проведённые Центром региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН в ряде проблемных регионов Юга России на протяжении последних лет, в частности в Ставропольском крае и Республике Дагестан, зафиксировали значительный уровень социальной напряжённости и конфликтности. В Ставропольском крае недовольство коренного населения вызывают, помимо прочего, последствия этно-национальной и ми-

грационной политики, в результате которой в сельской местности непрерывно растёт число мигрантов из представителей коренных народов соседних северокавказских республик, причём не только в абсолютном, но и в относительном выражении. В Республике Дагестан массовое недовольство связано в основном с сохраняющейся активностью экстремистского террористического бандподполья и продолжением антитеррористической операции, а также с неурегулированностью земельных отношений, с конфликтом между традиционным и нетрадиционным направлениями ислама [Кинсбургский, Топалов, 2015]. Поводов для выражения общественного недовольства в этих регионах более чем достаточно, но оно не находит выхода в цивилизованных – мирных, организованных, легальных – формах протеста по причине, видимо, низкого уровня и качества протестного потенциала («протестной культуры» по европейскому образцу). Хотя это и не исключает возможности отдельных, стихийных, насильственных массовых действий в кризисных ситуациях.

Об этом свидетельствуют, в частности, результаты исследования, проведённого в г. Хасавюрте и Хасавюртовском районе Республики Дагестан в 2013 г. Они показывают высокий уровень социальной напряжённости и конфликтности, который подпитывает проявления экстремизма и терроризма в регионе. Принципиальным представляется следующий вывод: «...В местном социуме сохраняется довольно значительный потенциал бытовой ксенофобии, который при неблагоприятных обстоятельствах и провокациях может превратиться в агрессию, угрозы и насильственные действия... В местных социумах проблемного региона силовые методы воспринимаются не только как допустимые, но и как вполне оправданные даже в случаях разрешения политических и этно-национальных конфликтов, тем более для защиты личной безопасности, собственности, чести и достоинства» [Маркин, 2014].

Следует заметить, что цивилизованные акции протеста, которые наиболее характерны для городского среднего класса, в принципе важны и необходимы как один из элементов механизма обратной связи в процессе управления. Такие акции не могут угрожать основам государственного и общественного строя и носят скорее не революционный, а реформистский характер. Одним из главных требований участников массовых акций на Болотной площади в Москве в 2012 г. было, например, не просто смена власти, политического режима, а проведение инновационной модернизации страны.

Цивилизованные – мирные, организованные, легальные – акции протеста приобретают смысл, прежде всего, в демократическом, правовом государстве, где власть не просто учитывает интересы и позиции основных социальных групп, но постоянно согласовывает их, ищет

компромиссы, стремясь достичь общественного консенсуса. При авторитарном политическом режиме цивилизованные акции протеста, напротив, теряют свою значимость и, в лучшем случае, становятся отдельными эпизодами, исключениями на фоне многочисленных проявлений поддержки власти. Вместе с тем при таком режиме нарастающее социальное недовольство, не находя выхода в цивилизованных формах, при определённых условиях может привести к беспорядкам, волнениям, бунтам, погромам и другим нецивилизованным протестным действиям, не имеющим ничего общего с задачей устойчивого общественного развития.

В условиях начавшегося экономического кризиса можно прогнозировать дальнейшее усиление массового недовольства социально-экономическими условиями жизни, но, вероятнее всего, это не приведёт автоматически к росту социальной напряжённости и массовым акциям протеста. В данном случае может сказаться относительное снижение потенциала протеста в силу определённого разочарования в эффективности протестных действий как способа разрешения политических и экономических проблем, а также по причине ужесточения правил проведения массовых политических мероприятий и усиления ответственности за их нарушение. Как долго продлится действие данных сдерживающих факторов — прогнозировать трудно, однако многое в развитии этого процесса будет зависеть от того, удастся ли российской власти избежать резких и неожиданных потрясений, которые могут вызвать серьёзное общественное возмущение и негодование.

В связи с этим можно представить следующие основные сценарии «разрядки» социальной напряжённости в кризисный период. В принципиальном плане возможны два варианта: позитивный и негативный. *Позитивный* — цивилизованные массовые акции протеста, которые скорее характерны для Москвы и Санкт-Петербурга, а также для крупных городов-миллионников, где достаточно широко представлен городской средний класс. Позитивность данного сценария состоит, по нашему мнению, в том, что цивилизованные действия могут стать катализатором перемен, реформ в российской экономической модели и политической системе. Второй сценарий *негативный* — стихийные, насильственные, нелегитимные массовые акции протеста, которые более характерны для средних и малых городов, промышленных посёлков с преобладанием в составе населения рабочего класса. Негативность данного сценария заключается, по нашему мнению, в том, что после неизбежного силового подавления нецивилизованных массовых действий — волнений, беспорядков, бунтов — произойдёт отказ от проведения реформ, и может наступить длительный период реакции.

В реальности (в случае провала или силового подавления массовых действий протеста) более вероятны два других сценария: относительно позитивный и относительно негативный. *Относительно позитивный («выживание»)* — адаптация, приспособление, экономия расходов, поиски дополнительных источников дохода, теневая занятость, трудовая миграция и эмиграция. Данный сценарий более характерен для высокоресурсных групп населения (более образованные, более обеспеченные, более мобильные и т. д.). Плюс данного сценария состоит в возмож-

ности приспособления российского социума к экономическому и политическому кризису, минус — в общественной стагнации и отсутствии стимулов к развитию. Другой сценарий *относительно негативный* («аномия») — апатия, разочарование, безразличие, алкоголизм, наркомания, суицид, бытовая агрессия и преступность. Этот сценарий более характерен для менее образованных, менее обеспеченных, менее мобильных групп населения. Плюс данного сценария в отсутствии вероятности серьёзных социальных потрясений, минус — в социальной деградации, отсутствии перспектив общественного развития. Наиболее вероятным в обозримом будущем представляется то или иное сочетание сценариев «выживания» и «аномии», в зависимости от ресурсной обеспеченности социальных групп и отдельных территорий (регионов) России.

Список литературы

Баранова Г. В. Социальная напряжённость: особенности методологии и методики её анализа и прогнозирования в регионах Российской Федерации 2009 [Электронный ресурс] // dissertCat — электронная библиотека диссертаций URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnaya-napryazhennost-osobennosti-metodologii-i-metodiki-ee-analiza-i-prognozirovaniya-#ixzz2OvDlJsi> (Дата обращения: 20.02.2016).

Баранова Г. В., Фролов В. А. Методология и методика измерения социальной напряжённости // Социологические исследования. СоцИс. 2012. № 3. С. 50–65.

Бызов Л. Г. Политические цвета новорусского протеста // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 1 (107). С. 28.

Индексы социального самочувствия. Май 2015 г. [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/news/ratings/indeksy-socialnogo-samochnuvstviya/> (Дата обращения: 20.02.2016).

Кинсбургский А. В., Топалов М. Н. Социальная напряжённость и региональные конфликты // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М.: Новый хронограф, 2015. С. 289–328.

Маркин В. В. Формирование российской идентичности как фактор противодействия идеологии экстремизма и терроризма: региональный аспект // Власть. 2014. № 6. С. 125–126.

Мониторинг перемен: основные тенденции [Электронный ресурс] // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2014. № 1–2 (117). URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/vom_1-2_2014.pdf (Дата обращения: 20.02.2016).

Недовольство властями Опрос «ФОМнибус» 18–19 апреля // Доминанты. Поле мнений. Доминанты 16 от 23 апреля 2015 г. [Электронный ресурс] // База данных ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d16nv15.pdf> (Дата обращения: 20.02.2016).

Пирогов И. В. Социальная напряжённость: теория, методология и методы измерения: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2002.

Плюснин Ю. М. Социальная напряжённость в Новосибирске. 1999 год. Новосибирск: ЦСА, 1999. – 32 с.

Протестный потенциал. Общественный протестный потенциал. Май 2015 г. [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/ (Дата обращения: 20.02.2016).

Протестный потенциал Опрос «ФОМнибус» 11–12 апреля // Доминанты. Поле мнений. Доминанты 15 от 16 апреля 2015 г. [Электронный ресурс] // База данных ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d15pn15.pdf> (Дата обращения: 20.02.2016).

Рукавишников В. О. Пик напряжённости под знаком белого коня // Социологические исследования. СоцИс. 1990. № 10. С. 15–22.

Social Tension and Mass Protest Campaigns (on The Issue of The Action Mechanism)

Kinsburskij Alexandr Vladimirovich

Candidate of Philosophical Sciences, Leading researcher, Institute of Sociology Russian Academy of Science. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia.
E-mail: alex_kins@mail.ru

Topalov Mikhail Nikolaevich

Senior Researcher, Institute of Sociology Russian Academy of Science. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: topalovmn@mail.ru

Abstract. This article discusses the main approaches to the definition of the concept of social tensions, and proposes to further introduce the concepts of “normal” and “low” social tension. The structure and functions of social tension in modern Russia and the dynamics of empirical indicators of social discontent and protest potential over the last 10–15 years are analyzed, according to leading centers for public opinion studies – Levada Center, POF and VCIOM. The role of public outrage and indignation as a “trigger” or immediate push in the transition from high social tension to mass protest campaigns is highlighted. The separation between civilized (organized, peaceful, and legal) and uncivil (riots, unrest, revolts, pogroms, etc.) mass actions is substantiated. An attempt has been made to implement a regional approach in the analysis of social tension and mass protest activity based on examples of Moscow, Stavropol Territory and the Republic of Dagestan. Forecasts are made for further development of social tension and mass protest activity during the period of crisis. The conclusion is made that a rise is possible in social discontent in the near future is not likely to lead to widespread early mass protest campaigns by certain compensatory mechanisms.

Keywords: social tensions, social discontent and protest potential, public outrage, mass protests.

REFERENCE

Baranova G. V. Social'naja naprjazhjonost': osobennosti metodologii i metodiki ejo analiza i prognozirovaniya v regionalah Rossijskoj Federacii 2009. [*Social tensions: the specific methodology and methods of analysis and forecasting in the regions of the Russian Federation*]. [Elektronnyj resurs]. dissertCat – Elektronnaja biblioteka dissertacij URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnaya-naprjazhennost-osobennosti-metodologii-i-metodiki-ee-analiza-i-prognozirovaniya-#ixzz2OvDIgJsi> (Data obrashhenija: 20.02.2016). (In Russ.).

Baranova G. V., Frolov V. A. Metodologija i metodika izmerenija social'noj naprjazhjonosti. [*Methodology and measurement of social tensions*]. J. Sociologicheskie issledovanija. SocIs. 2012. № 3. S. 50–65. (In Russ.).

Byzov L. G. Politicheskie cveta novorussskogo protesta. [*Political colors of new Russian protest*]. J. Monitoring obshhestvennogo mnenija. 2012. № 1 (107). S. 28. (In Russ.).

Indeksy social'nogo samochuvstviya. Maj 2015 g. [*Indices of social well-being*]. [Elektronnyj resurs]. VCIOM URL: http://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/ (Data obrashhenija: 20.02.2016). (In Russ.).

Kinsburskij A. V., Topalov M. N. Social'naja naprjazhjonost' i regional'nye konflikty // Regional'naja sociologija: problemy konsolidacii social'nogo prostranstva Rossii. M.: Novyj hronograf, 2015. S. 289–328. (In Russ.).

Markin V. V. Formirovanie rossijskoj identichnosti kak faktor protivodejstvija ideologii jekstremizma i terrorizma: regional'nyj aspekt. [*The formation of Russian identity as a factor of counteraction of ideology of extremism and terrorism: a regional perspective*]. J. Vlast'. 2014. № 6. S. 125–126. (In Russ.).

Monitoring peremen: osnovnye tendencii. [*Monitoring of changes: major trends*]. [Elektronnyj resurs]. J. Vestnik obshhestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii. 2014. № 1–2 (117). URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/vom_1-2_2014.pdf (Data obrashhenija: 20.02.2016). (In Russ.).

Nedovol'stvo vlastjami. [*Dissatisfaction with the authorities*]. J. Dominanty. Pole mnenij. Dominanty 16 ot 23 aprelja 2015 g. [Elektronnyj resurs]. Baza dannyh FOM URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d16nv15.pdf> (Data obrashhenija: 20.02.2016). (In Russ.).

Pirogov I. V. Social'naja naprjazhjonost': teorija, metodologija i metody izmerenija. [*Social unrest: theory, methodology and measurement methods*]: Avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. M., 2002. (In Russ.).

Pljusnin Ju. M. Social'naja naprjazhjonost' v Novosibirsk. 1999 god. [*Social tensions in Novosibirsk. 1999*]. Novosibirsk: CSA, 1999. – 32 s.

Protestnyj potencial. [*Protest potential*]. J. Dominanty. Pole mnenij. Dominanty 15 ot 16 aprelja 2015 g. [Elektronnyj resurs]. Baza dannyh FOM URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d15pn15.pdf> (Data obrashhenija: 20.02.2016). (In Russ.).

Protestnyj potencial. Maj 2015 g. [*Protest potential*]. [Elektronnyj resurs]. VCIOM URL: http://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/ (Data obrashhenija: 20.02.2016). (In Russ.).

Rukavishnikov V. O. Pik naprjazhjonosti pod znakom belogo konja. [*Peak of tension under the sign of the white horse*]. J. Sociologicheskie issledovanija. SocIs. 1990. № 10. S. 15–22. (In Russ.).

